

К. В. Манёрова
Санкт-Петербург, Россия

О РАЗВИТИИ ЛЕКСЕМЫ *SANKTIONEN* КАК КЛЮЧЕВОГО СЛОВА ПОЛИТИЧЕСКИ-ПРАВОВОГО РЕСТРИКТИВНОГО ДИСКУРСА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

АННОТАЦИЯ. В современном немецком языке лексема «die Sanktionen» стала широкоупотребительным, ключевым словом политико-правового рестриктивного дискурса. Предметом исследования является развитие значений лексемы «die Sanktionen», употребляемой в современной немецкой политической коммуникации преимущественно во множественном числе. В качестве темы определена семантическая деривация значения «die Sanktionen», в результате которой лексема расширила свое значение и на рубеже XX—XXI вв. вышла за рамки лексики международного права. Лексема становится маркером политической коммуникации, ориентированной на продвижение мер ограничения и запрета. В качестве методов исследования выбрана комбинация лингво-дискурсивного и корпусного анализов, на этой основе в статье впервые продемонстрирована узусуализация лексемы «die Sanktionen» в различающихся значениях. В качестве инструмента для исследования употребления лексемы «die Sanktionen» впервые использована современная многоуровневая модель лингводискурсивного анализа «DIMEAN». Выявленная высокая частотность лексемы «die Sanktionen» в созданном тезаурусе на основе немецкого корпуса «DWDS» свидетельствует об ее концептуальной значимости, о способности конструировать текст и дискурс. Цель исследования состоит в лингвистической интерпретации лексемы «die Sanktionen» во множественном числе с выявлением ее доминирующего значения в современном немецком языке в качестве ключевого слова, используемого для номинации рестриктивных мер в политико-правовой сфере. Автор статьи делает вывод о том, что в немецком языке лексема «die Sanktionen» концептуально связана с переосмыслением понятия «виновность», выходящим за границы сферы применения законов международного права, это демонстрируют статистические результаты исследования ключевых слов, акторов и объектов рестриктивных мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика; политический дискурс; экономические санкции; ключевые слова; рестриктивный дискурс; правовой дискурс; дискурс-анализ; корпусный анализ; немецкий язык; лексемы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Манёрова Кристина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9-11; e-mail: k.manerova@sphu.ru.

Вербальный компонент введения, поддержки и продления западных санкций в отношении отдельных государств, организаций и лиц является одной из ключевых категорий современного политико-правового рестриктивного дискурса и, соответственно, политической коммуникации, ориентированной на продвижение мер ограничения и запрета. Слово-сочетанием «рестриктивный дискурс» в статье вводится определение для именования мер ограничения и запрета в рамках расширения понятия «дискурс власти». Власть является доминирующей темой исследований в политической лингвистике, ведь «власть есть язык, а язык сам есть власть, ее инструмент» [Schily 2000: 126]. Как справедливо отмечают многие отечественные и немецкие исследователи немецкоязычной политической коммуникации [Чернявская 2014; Езан, Ковтунова 2017; Езан, Ковтунова 2018а; Herschinger, Nonhoff 2014], центральными темами в исследованиях дискурса власти являются лингвистические интерпретации его ключевых слов, акторов, субъектов и средств речевого воздействия в текстах. Исследования рецепции и вербализации большинства политических концептов посредством лексических средств современного немецкого языка обусловлены еще и тем, что ФРГ, безусловно, играет ведущую роль на политической арене Европейского союза, немецкий язык является «одним из самых популярных языков мира» [Демидова 2018: 142].

Актуальные ключевые слова немецкого политико-правового дискурса власти, такие как *postfaktisch* (постправдивый), *die Wirt-*

schaftskrise (экономический кризис), *die Flüchtlingskrise* (миграционный кризис), *die Integration* (интеграция) и другие, становятся объектами современных исследований, проводимых в рамках дискурсивного анализа как отечественными лингвистами [Ковтунова, Езан 2018b], так и немецкими дискурсологами [Hermanns 1994; Teubert 2006; Spitzmüller, Warnke 2011; Busse, Teubert 2013; Gür-Seker 2015; Schröter 2015].

По мнению Э. Н. Меркуловой, реакция языка на общественно-политические события представляет материал, интересный для изучения: новые идеологемы и лексемы, номинирующие политические перемены, суть «зарегистрированные маркеры своего времени» [Меркулова 2015: 74]. Тем не менее немецкая лексема *die Sanktionen* «санкции», один из частотных маркеров немецкоязычного международного политико-правового рестриктивного дискурса XX—XXI вв., в отличие от ее британского эквивалента *sanctions* «санкции» [Ковязина, Ильющеня, Хабибуллина 2018: 61—67], еще не становилась объектом исследования с применением дискурс-анализа.

Вслед за Т. Ниром мы понимаем ключевые слова как особенно актуальные в определенный период времени слова и выражения, способствующие распространению в обществе программ и целевых установок определенных политических сил [Niehr 2007: 496]. Лингвистическая интерпретация контекстуальных примеров употребления немецкого существительного *die Sanktionen*

при освещении современных мировых политических событий позволяет, во-первых, утвердить статус лексемы *die Sanktionen* как ключевого слова немецкоязычного политико-правового рестриктивного дискурса, во-вторых, выявить его неоднозначное, произвольное развитие и, в отдельных случаях, употребление, расширяющее его кодифицированное терминологическое значение, закрепленное в международной правовой норме. Приведем это значение: *Sanktion — (Völkerrecht) Maßnahme, die (zur Bestrafung oder zur Ausübung von Druck) gegen einen Staat, der das Völkerrecht verletzt [hat], angewandt werden kann — «Санкция — (международное право) мера, которая (для наказания или оказания давления) может быть применена к государству, нарушающему [нарушившему] принципы международного права» [Duden 1999: 3286].*

В 20-х гг. XX в., после поражения Германии в войне, немецкий язык проходит процесс обновления лексического состава и восприятия новой лексики (напр., *die Kontribution* — контрибуция, *die Reparationen* — репарации), развития новых значений уже существующих слов. Так, у ксенолексемы *Sanktion*, наряду с уже узуализированными в XVII—XVIII вв. значениями: 1) распоряжение; 2) законодательный акт; 3) утверждение; 4) признание; 5) часть договорного документа; 6) запрет [Манёрова 2018], — развивается новое узкоспециальное значение «принудительные меры» [НБНРС 2010: 211], в контексте нарушения принципов и законов международного права, применения мер по изоляции, ограничению. Новое значение свойственно исключительно форме множественного числа *die Sanktionen* «санкции». Это значение развивается как результат семантической деривации, под влиянием французского аналога *sanctions* «санкции», использующегося в документах Версальского мирного договора и в документах созданной в 1919 г. Лиги Наций (часто в контекстах, описывающих применение санкций к самому германскому государству, признанному проигравшим в Первой мировой войне). В дальнейшем, а именно с середины XX в., лексема *die Sanktionen* последовательно расши-

ряет объем значения, не в последнюю очередь — как и многие языки Европы — уже под влиянием американской языковой идеологии. Приведем тезис М. А. Марусенко, авторитетного исследователя языковой политики США: «...после Второй мировой войны система языков оказалась под сильным давлением экономических и идеологических факторов» [Марусенко 2016: 3], распространение английского языка привело к тому, что национальные элиты неанглоязычных стран вынуждены «использовать концепты, выражаемые на этом языке, и разделять мировоззрение, которое они несут» [Там же: 4]. Таким образом, можно предположить, что в значении «применение принудительных мер» лексема *die Sanktionen* приобретает в немецком языке идеологическую значимость и становится ключевым словом политико-правового рестриктивного дискурса, дискурсивным маркером для номинации мер ограничения и запрета.

Анализ ключевого слова *die Sanktionen* проводится в статье с использованием методологии дискурс-анализа. Безусловно, что «важнейший постулат политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов» [Чудинов 2012: 7]. Согласно этому тезису, в качестве инструмента для исследования употребления лексемы *die Sanktionen* в современном немецком языке впервые использована многоуровневая модель лингводискурсивного анализа «DIMEAN» (нем. Modell der diskurslinguistischen Mehr-Ebenen-Analyse), разработанная в 2008 г. лингвистами Инго Варнке и Юргеном Шпитцмюллером [Spitzmüller, Warnke 2010: 199—201]. Модель многоуровневого лингводискурсивного анализа «DIMEAN» охватывает исследование дискурса на нескольких уровнях и, на наш взгляд, оптимально подходит для изучения языковых элементов и ключевых лексических компонентов в политлингвистике. Отдельный уровень интратекстуального лингводискурсивного анализа включает исследование текста, высказывания и лексики — эта часть модели «DIMEAN» изображена на рисунке.

Intratextuelle Ebene	Wortorientierte Analyse	Mehrwort-Einheiten	– Schlüsselwörter/Schlagwörter – Stigmawörter – Namen
		Einwort-Einheiten	– Adhoc-Bildungen

Рис. Модель многоуровневого лингводискурсивного анализа DIMEAN (интратекстовый уровень)

Необходимо пояснить, что в рамках интратекстуального лингводискурсивного анализа вокабуляра (нем. *intratextuelle Ebene*) лексемы исследуются как дискурсивно-конструирующие единицы, в направлении как от лексем к дискурсу, так и от дискурса к лексеме (нем. *wortorientierte Analyse*). В сферу применения интересующей нас модели входят лексем (Einworteinheiten), коллокации и устойчивые словосочетания (Mehrwort-Einheiten), ключевые и лозунговые слова (Schlüsselwörter/Schlagwörter), номинации негативных социально-политических явлений (Stigmawörter), онимы (Namen), окказионализмы (Ad-hoc-Bildungen). Таким образом, лексем — важные единицы дискурсивно ориентированных исследований. Варнке и Шпитцмюллер подчеркивают: «Отдельное слово как лексема и элемент оформления дискурса может служить объяснением многих вопросов» [Spitzmüller, Warnke 2010: 139].

По мнению Варнке и Шпитцмюллера, концептуально значимыми для дискурса лексемами являются так называемые «лозунговые» существительные (нем. Schlagwörter), а именно ключевые слова с функцией номинации денотатов и явлений действительности, «с доминирующим контекстуальным значением», отражающим и формирующим общественное мнение [ibid.: 143]. В качестве материала для исследования использованы употребления лексем *die Sanktionen* в разделе корпуса «DWDS» [Klein] в статьях немецкого новостного издания «Die Zeit». Хронологические рамки при разметке корпуса заданы на период выхода материалов с 1946 по 2018 г. На ключевое слово *die Sanktionen* сформирован общий тезаурус с помощью инструмента максимального отражения примеров контекстуального употребления (*Anzeige maximal*). Указанный формат, в отличие от формата репрезентативной выборки «KWIC», позволяет определить не только конкорданс для фиксации ключевого слова, но и содержательный контекст, важный для верификации примеров в нашем исследовании, а именно с целью уточнения следующих пунктов: 1) кто является актором дискурса, формирующим политико-правовой процесс воздействия в виде санкций; 2) на кого направлены эти рестриктивные меры. Общий корпус примеров, сформированный с помощью названной утилиты, отразил 18 677 речепотреблений (токенов) для лексем *die Sanktionen*, в том числе коллокаций, возникших из ее дистрибутивной и кокурентной сочетаемости.

Известно, что, в соответствии с международным правом [Михеев 1967: 45], санк-

ции могли вводиться исключительно по Резолюции Совбеза ООН к государству, которое отказывалось выполнять обязанности, вытекающие из правоотношения международной ответственности, о чем свидетельствуют и международные процессы применения санкций, регламентированных правовыми и политическими подходами ООН (немецкий язык не является официальным языком ООН, тем не менее деятельность этого международного органа регулярно освещается в немецких СМИ, как, напр., в выбранной в качестве источника материала газете «Die Zeit», при этом лексема *die Sanktionen* частотна в качестве ключевого слова). Так, в контекстах 1946—1947 г. лексема *die Sanktionen* кокурентна исключительно с оними *UNO/UN* (ООН), *UN-Sicherheitsrat* (Совбез ООН), ср. пример о санкциях по отношению к Греции: *Zum ersten Mal ein Vorschlag in der UNO, den „Zwangartikel“ anzuwenden, der wirtschaftliche, diplomatische und militärische Sanktionen vorsieht* (Die Zeit. 05.06.1947. Nr. 23). — *В первый раз предложение в ООН применить „принудительную статью“, предусматривающую экономические, дипломатические и военные санкции.* Таким образом, ООН является тем актором в политико-правовом рестриктивном дискурсе, действия которого определяет юридическая легитимность международного права.

Анализируемая лексема *Sanktionen* как ключевое слово и маркер вербализации политико-правового рестриктивного дискурса в сфере ограничения и запрета в XX в. последовательно расширяет сферу употребления в немецком языке, что демонстрируют результаты анализа с применением модели «DIMEAN» в направлении анализа от лексем к дискурсу. С 1946 г. *die Sanktionen* как ключевое слово в дискурсе ограничения и запрета употребляется в контексте наказания для немецких военных и нацистских преступников: *Die Strafen und Sanktionen, die denen drohen, Nazis sowohl wie Militaristen und Unzuverlässigen, die unter dieses Schema fallen* (Die Zeit. 19.09.1946. Nr. 31). — *Наказания и санкции, угрожающие как нацистам, так и военным, ненадежным лицам.*

Анализ материала показал, что политическими акторами в политико-правовом рестриктивном дискурсе выступают государства (*Großbritannien*, 1946—1949 г.; *die EU*, 2017 г.; *USA*, 2014—2018 г.), партии (*die CDU*, *die Grünen*, 2017 г.), государственные органы власти (*der US-Kongress*, 2017 г.), министерства (*das Außenministerium der Vereinigten Staaten*; 2017—2018 г.), политики и официальные лица государств, требующие

санкций или ратующие за их введение (*Obama*, 2015 г.; *der Bundestagspräsident*, 2016 г.; *Trump*, 2017 г.; *Tusk*, 2017 г.; *der britische Außenminister*, 2017 г.). Список ограничительных мер расширяется, санкции как меры ограничения и запрета получают политическое обоснование, соответственно, расширяется объем значения лексемы *die Sanktionen*. Санкции затрагивают, как правило, сферу международной торговли, являются основанием для торгового и промышленного эмбарго, принятие решений о наложении экономических санкций и соответственно терминологически верное употребление лексемы *die Sanktionen* допустимо и верно в контексте решений ООН. Тем не менее примеры демонстрируют, что меры ограничения и запрета могут быть применены без резолюции ООН. На рубеже XX и XXI вв. появляется новый актор: право наложения санкций перенимает на себя Европейский союз (*die Europäische Union*, *die EU*) в рамках проведения совместной политики внешней безопасности (нем. *die Gemeinsame Außen- oder Sicherheitspolitik*, *GASP*) по отношению к своим членам. Так, санкции ЕС были применены к Австрии с целью ее изоляции, после выборов, прошедших в этой стране в 1999 г., и создания партийной правой коалиции Австрийской партии свободы (FPÖ) и Новой народной партии (ÖVP), ср.: *Nach drei Monaten Bann über das EU-Mitglied Österreich ist es Zeit, die Sanktionen zu beenden*. (*Die Zeit*. 06.04.2000, Nr. 15. С. 4). — *После трех месяцев изоляции члена ЕС Австрии пришло время отменить санкции; Die Sanktionen der 14 übrigen EU-Regierungen gegen das österreichische Rechtsbündnis haben mehr erreicht, als man erwarten durfte* (*Die Zeit*. 27.04. 2000. Nr. 18. С. 5). — *Санкции правительств 14 государств — членов ЕС против австрийской коалиции достигли большего, чем ожидалось*.

Рестриктивные меры могут быть направлены на проведение спортивных мероприятий: *Sollte ein Verein gegen die Regeln verstoßen, kann dieser durch die Uefa sanktioniert werden. Die Vereine haben die Sanktionen zu akzeptieren* (*Die Zeit*. 04.12.2017. Nr. 50). — *Если футбольный клуб нарушает правила, УЕФА может применить к нему санкции. Клубы обязаны соблюдать санкции*. Анализ примеров из немецкого новостного ресурса «Die Zeit» позволил определить следующие объекты в дискурсе ограничения и запрета: в контексте реального и возможного применения санкций упоминаются банковские институты, торговые и промышленные организации, в то или иное время поддерживавшие сотрудничество со Сьерра-Леоне (1990 г.), Анголой (1990 г.), Ираном (2018 г.), Северной Кореей (2018 г.), Конго (2018 г.), отдель-

но как государства, к которым применялись санкции, упоминаются Китай (1951 г.), ГДР (1980 г.), ЮАР (1980 г.), Австрия (2000—2018 гг.), Венесуэла (2017 г.), Испания и Португалия (2016 г.), Куба (2017 г.), Польша (2017 г.), Российская Федерация (2014—2018 гг.) и др. По отношению к государствам санкции становятся своеобразным механизмом не только экономического, но и политического управления и влияния.

По мнению В. Е. Чернявской, «дискурс выражает коллективное речевое действие. Это означает возможность широкого социального управления и манипулирования, при котором особым образом канонизируются теории, идеи, оценки, взгляды, суждения» [Чернявская 2016: 77]. На наш взгляд, санкции — средство принуждения и одновременно средство оценки действий — как ключевое слово расширяет понятие виновности в политико-правовом дискурсе власти. Так, объем немецкой лексемы *die Sanktionen* расширяется через появление нового кодифицированного значения «меры, применяемые к кому-л. с целью принуждения к желаемому поведению или для наказания» [Duden 1999: 3286]. Ограничительные меры могут быть введены против представителей бизнеса: *Wegen Verstößen gegen die Sanktionen im Atomstreit mit dem Iran haben die USA eine Reihe von Geschäftsleuten und Unternehmen ihrer Schwarzen Liste hinzugefügt* (*Die Zeit*. 06.02.2014, online). — *Из-за нарушений санкций в ядерном споре с Ираном США добавили в „черный список“ ряд бизнесменов и предпринимателей*.

Санкции как меры наказания могут быть применены и к отдельным гражданам, ср. пример о праворадикальных высказываниях немецкого университетского доцента Раушера: *Wie „rechts“ darf eine Lehrkraft an einer Hochschule sich äußern? Wissenschaftspolitiker distanzieren sich schon öffentlich von Rauscher, Kollegen fordern Sanktionen, Studenten seine Entlassung* (*Die Zeit*. 03.12.2017. Nr. 49). — *Насколько „праворадикально“ может высказываться преподаватель в университете? Политологи дистанцируются от Раушера, коллеги требуют санкций, студенты — его увольнения*.

В соответствии с современными методами изучения политической коммуникации, включающими количественную верификацию данных [Кошкарова, Руженцева, Зотова 2018: 74], при исследовании материала лингводискурсивный анализ облигаторно дополнен корпусным подходом. Приведем наблюдения над употреблением лексемы *die Sanktionen* на материале немецкого корпуса, размещенного на немецком словарном элек-

тронном портале «Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache» (DWDS) [Klein].

Применение корпусного анализа с изучением сочетаемости и дистрибутивного окружения лексемы дало следующие результаты. Узуализация лексемы *die Sanktionen* в качестве маркера политико-правового рестриктивного дискурса связана с развитием ее коллокационного потенциала в сочетании с атрибутивными прилагательными: санкции как принудительные меры могут быть *wirtschaftliche* «экономические», *administrative* «административные», *amerikanische* «американские», *finanzielle* «финансовые», *militärische* «военные», *diplomatische* «дипломатические», в разных комбинациях, напр.: *Auf das Völkerbundsbeispiel der Schweiz bezogen, würde heute jeder der Teilnehmer des letzten Weltkrieges eine Neutralität, die die Teilnahme an wirtschaftlichen und finanziellen Sanktionen als mit sich vereinbar ansehe, geradezu als absurd und völlig undiskutabel empfinden* (Die Zeit. 19.09.1946. № 31. С. 3). — *Ссылаясь на пример Швейцарии, сегодня каждый из участников последней войны воспринимал бы нейтралитет, который допускает согласованное участие в экономических и финансовых санкциях, абсурдным и не подлежащим обсуждению. Skeptiker werden darauf hinweisen, daß auch die vorgesehene Einschränkung des Vetos wenig für Sie Frage von Krieg oder Frieden besagt, solange wirtschaftliche und militärische Sanktionen dem Veto der Großmächte unterworfen bleiben* (Die Zeit. 25.09.1947. № 39. С. 2). — *Скептики укажут на то, что предусмотренное ограничение вето мало означает для ваших проблем войны и мира, пока экономические и военные санкции будут находиться под вето великих держав.*

В этом качестве лексема *die Sanktionen* в форме множественного числа узуализиро-

вана как термин международного права. Употребление лексемы в форме множественного числа *die Sanktionen* в контекстах позволяет проследить последовательное развитие ее дистрибутивного окружения в новом значении, что отражается в статистике коокуренций с учетом показателя ранга *logDice* [Rychlý 2008: 9] и частотности *Freq.* Частотными коокурентными компонентами являются следующие: *verhängen* «вменить, ввести», *Aufhebung* «отмена», *Verschärfung* «ужесточение», *verhängte* «вмененные», *wirtschaftliche* «экономические», *gegen Regime* «против режима», *scharfe, harte* «жесткие», *aufgehoben* «отменены». Так, дистрибутивно высокочастотным можно назвать употребление лексемы *Sanktionen* с глаголом *verhängen* «ввести, вменить» (показатель частотности *Freq.* 2010 токенов на миллион слов). Высокую частотность демонстрируют следующие дистрибутивно детерминированные компоненты: глагол *drohen* «угрожать» (*Freq.* 1361), правовалентные генитивные определения *Union / EU-Staat* «государства / государство ЕС» (*Freq.* 85), *Westen* «Запад» (*Freq.* 35) и *UN-Sicherheitsrat* «Совбез ООН» (*Freq.* 67), левовалентные генитивные определения *Aufhebung* «снятие» (*Freq.* 1833) и *Verschärfung* «усиление» (*Freq.* 344), коокурентные дополнения с предлогом *Kontrolle durch* «контроль посредством санкций» (*Freq.* 123), *Isolation durch* «изоляция посредством санкций» (*Freq.* 43). Наоборот, низкое по частотности употребление показывает глагол *umgehen* «обойти» (*Freq.* 33). Выявлена негативная коокуренция с лексемой *Völkerrecht* «международное право». Схематично дистрибутивная сочетаемость представлена в таблице.

Таблица. Анализ дистрибутивной сочетаемости немецкой лексемы *Sanktionen*

Дистрибуция лексемы «die Sanktionen»	«Die Sanktionen» и дистрибутивно зависимый компонент	Показатель частотности <i>Freq.</i>	Ранг <i>logDice</i>
<i>Sanktionen</i> + глагол	<i>Sanktionen verhängen</i> (применить санкции)	2010	8,9
<i>Sanktionen</i> + согласованное определение	<i>verhängte Sanktionen</i> (примененные санкции)	1017	10,5
	<i>scharfe Sanktionen</i> (жесткие санкции)	738	7,9
	<i>harte Sanktionen</i> (жесткие санкции)	668	8,9
<i>Sanktionen</i> — предложное дополнение	<i>Sanktionen gegen Regime</i> (санкции против режима)	253	8,9
<i>Sanktion</i> — валентный актант	<i>drohen mit Sanktionen</i> (угрожать санкциями)	1361	7,8
<i>Sanktionen</i> — предложное дополнение	<i>Kontrolle durch Sanktionen</i> (контроль посредством санкций)	131	8,3
	<i>Isolation durch Sanktionen</i> (изоляция посредством санкций)	43	9,1

Дистрибуция лексемы «die Sanktionen»	«Die Sanktionen» и дистрибутивно зависимый компонент	Показатель частотности Freq.	Ранг logDice
<i>Sanktionen</i> — подлежащее	<i>Sanktionen drohen</i> (санкции угрожают)	1361	6,4
<i>Sanktionen</i> + определение в генитиве	<i>Sanktionen der Union</i> (EU) (санкции ЕС)	85	9,3
	<i>Sanktionen der EU-Partner</i> (санкции партнеров ЕС)	25	9,4
	<i>Sanktionen des EU-Staates</i> (санкции государства ЕС)	74	9,3
	<i>Sanktionen des EU-Landes</i> (санкции страны ЕС)	13	7,7
	<i>Sanktionen des EU-Mitgliedes</i> (санкции страны — члена ЕС)	6	7,4
	<i>Sanktionen des Bundestagspräsidenten</i> (санкции президента бундестага)	24	9,1
	<i>Sanktionen des UN-Sicherheitsrates</i> (санкции Совбеза ООН)	67	8,6
<i>Sanktionen</i> — определение в генитиве	<i>Verschärfung der Sanktionen</i> (ужесточение санкций)	365	7,0

Анализ дистрибутивной и кокурентной сочетаемости с учетом показателя ранга лексемы показывает, что в современном речеупотреблении лексема *die Sanktionen* расширила объем своего значения. К уже узуализованным и кодифицированным в немецком языке значениям: 1) распоряжение; 2) законодательный акт; 3) утверждение; 4) признание; 5) часть договорного документа; 6) запрет — в XX—XXI вв. добавились частично кодифицированные значения: 7) применение принудительных мер при нарушении принципов и законов международного права, меры по изоляции, ограничению; 8) рестриктивные меры по отношению к отдельным лицам или организациям (вне рамок действия международного права); 9) угроза применения или применение рестриктивных мер, инициированные отдельным лицом; 10) угроза применения или применение принудительных мер наказания или давления государством или организацией к другому государству с целью его контроля и изоляции (вне рамок действия международного права). Последнее значение можно определить как доминирующее. Это обстоятельство закрепляет за существительным *die Sanktionen* статус ключевого слова политико-правового рестриктивного дискурса. Показательно количественно выявленное снижение роли ООН как актора в рестриктивном политико-правовом дискурсе и одновременное усиление роли ЕС (9,3 vs 8,6 по показателю *logDice*), а также употребление ключевого слова *die Sanktionen* в

негативной кокурентности с термином международного права. Резкое увеличение частотности употребления лексемы *die Sanktionen* фиксируется статистически: в избранный период 1946—2018 гг. на портале цифрового словаря немецкого языка «DWDS» представлен рост показателей от 6,90 до 27,46 на миллион речеупотреблений (см. график изменения частотности в корпусе DWDS [Klein, DWDS — Verlaufskurven]). Лексема проявляет дискурсивную значимость не только как отдельная языковая единица, но и как компонент в составе так называемых n-грамм: словосочетаний, коллокаций. Современные методы корпусного анализа, предоставляемые немецким порталом цифрового словаря немецкого языка «DWDS», а именно анализ дистрибуции, кокурентности, коллокационных сочетаний, частотности позволяют взглянуть на лексему *die Sanktionen* как на ключевое слово идеологических контекстов рестрикции в дискурсе власти (см. словарный профиль лексемы «Sanktion» [Klein, DWDS-Wortprofil]), отражающих оценку и суждения о политико-правовых отношениях в глобальном мире. Позволим себе высказать предположение, что это развитие обусловлено влиянием английского эквивалента *sanctions* «санкции», что может быть подтверждено или опровергнуто в результате дополнительного сравнительного исследования хронологически симметричного употребления двух ключевых слов в немецком и английском языках. В заключение приведем определение тер-

мина «санкции» немецкого правоведа Франца Делонжа, на наш взгляд, содержательно формулирующее суть применения рестриктивных мер: «Этот термин употребляется исключительно во множественном числе и заменит в Ваших высказываниях такие архаичные выражения, как „наказание“ или „возмездие“» [Delonge 2000: 58].

Заключение

Проведенная первичная лингвистическая интерпретация значений немецкой лексемы *die Sanktionen*, а также анализ примеров современного употребления этой лексемы в немецкоязычном политико-правовом рестриктивном дискурсе позволяют сделать следующие выводы.

Интерпретация лексемы *die Sanktionen* с параллельным применением модели многоуровневого лингводискурсивного анализа «DIMEAN» и корпусного анализа позволяет исследовать ее в качестве ключевого слова. В этом качестве лексема *die Sanktionen* проходит определенные этапы становления в XX—XXI вв., под влиянием аналогов во французском и американском английском языках. Высокая частотность употреблений соответствующей единицы, выявленная при одновременном применении лингводискурсивного и корпусного анализов, свидетельствует о концептуальной значимости лексемы *die Sanktionen*: она расширяет свое значение, конструирует текст и дискурс.

В качестве нового доминирующего значения лексемы *die Sanktionen* развивается следующее: «угроза применения или применение принудительных мер наказания или давления государством или организацией к другому государству с целью его контроля и изоляции (вне рамок действия международного права)». Это узвальное значение свойственно исключительно форме множественного числа, оно подтверждает связь лексикализации и грамматикализации в языке. Анализ кокурентности, коллокационных сочетаний, частотности употребления позволяют взглянуть на лексему *die Sanktionen* как на ключевое слово политико-правовых контекстов, детерминированных международным правом, но не только. Лексема *die Sanktionen* во множественном числе демонстрирует контекстуальное употребление в качестве номинационной единицы обозначения политически релевантных мер, мер ограничения и запрета, в разнообразных областях, уже далеких от международного права.

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод, что в немецком языке лексема *die Sanktionen* во множественном числе концептуально связывается с пере-

осмыслением понятия «виновность»: сфера применения санкций как мер ограничения и запрета расширяется, выходит за рамки международного права, соответственно наблюдается расширение значения лексемы. Интерпретация немецкой лексемы *die Sanktionen* во множественном числе с применением модели многоуровневого лингводискурсивного анализа «DIMEAN» позволила определить ее в качестве ключевого слова номинации мер ограничения и запрета, используемых в политико-правовой сфере, а также в качестве лозунгового слова, отражающего и конструирующего рестриктивный дискурс.

Нашей статье чужда политическая тенденциозность, так как в научной статье не ставится цель оценки политических процессов, ее задача состоит в лингвистической интерпретации их вербализации. Однако осмелимся заключить, что дискурсивно обусловленная узуализация лексемы *die Sanktionen* в немецком языке протекает под влиянием глобальных изменяющихся мировых политических процессов, свидетелями которых мы ежедневно становимся; эти наблюдения могут стать источником обширного материала для дальнейшего исследования ключевых слов в рамках политлингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демидова Е. Е. Продвижение немецкого языка в мире // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 139—144.
2. Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Агитационная листовка в современном немецком политическом дискурсе // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018а. Вып. 7: Дискурсивные аспекты языковых феноменов. С. 85—98.
3. Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Динамические процессы в лексике немецкого политического медиадискурса // Германística в современном научном пространстве: материалы 5-й Междунар. науч.-практ. конф. (Краснодар). — Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2017. С. 93—100.
4. Езан И. Е., Ковтунова Е. А. Дискурс-анализ современных ключевых слов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018b. № 4-1 (82). С. 99—105.
5. Ковязина М. А., Ильющеня Т. А., Хабибуллина С. Б. Средства выражения отрицательной оценки при описании санкционной политики западных стран в отношении России и российских ответных санкций в текстах британских сетевых СМИ: корпусное исследование // Политическая лингвистика. 2018. № 2 (68). С. 61—67.
6. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б., Зотова Е. Н. «Российская агрессия» по-американски и «российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74—81.
7. Манёрова К. В. Узуализация противоречивых значений лексемы «Sanction» в немецком языке XVII—XVIII вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). Ч. 1. С. 132—137.
8. Марусенко М. А. Американская языковая идеология // США и Канада: экономика, политика, культура. 2016. № 11 (563). С. 3—18.
9. Меркулова Э. Н. О лингвистическом статусе и некоторых речевых функциях английской дублетной ксенолексики в русском языке // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2015. № 5 (37). С. 73—88.
10. Михеев Ю. Я. Применение принудительных мер по

Уставу ООН. — М., 1967. С. 45.

11. Новый большой немецко-русский словарь. В 3 т. (НБНРС) : ок. 5000 000 лексических единиц. Т. 3 : R — Z / под. общ. рук. Д. О. Добровольского. — М. : АСТ : Астрель, 2010. 1263 с.

12. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учеб. пособие. — М. : Директ-Медиа, 2014. 185 с.

13. Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2016. № 3 (41). С. 77—87.

14. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 4-е изд. — М. : Флинта : Наука, 2012. 256 с.

15. Busse D., Teubert W. Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven. — Wiesbaden : Springer VS, 2013. 421 S.

16. Delonge F.-B. Rückhaltlose Aufklärung — Politiker-Deutsch für Anfänger. — Frankfurt a. M. : Eichborn, 2000.

17. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In 10 Bänden. Bd. 7. Pekt — Schi. Völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. — Mannheim : Dudenverlag, 1999. S. 2881—3360.

18. DWDS — Verlaufskurven [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/tr/plot?view=1&norm=date%2Bclass&moot_h=spline&genres=0&grand=1&slice=10&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1600%3A2016&q1=Sanktion (date of access: 07.05.2018).

19. Gür-Seker D. Das Wort im Diskurs // Handbücher Sprachwissen. Bd. 3. Handbuch Wort und Wortschatz / U. Hass, P. Storzjohann (Hrsg.). — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2015. S. 77—101.

20. Hermanns F. Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen "politischen Semantik" // Bericht Nr. 81 der Arbeiten aus dem Sonderforschungsreich 245 "Sprache und Situation". — Heidelberg ; Mannheim : Univ. Heidelberg : Univ. Mannheim : Institut für deutsche Sprache, 1994.

K. V. Manerova

Saint Petersburg, Russia

THE DYNAMICS OF THE LEXEME SANKTIONEN AS A KEY WORD FOR POLITICALLY-LEGAL RESTRICTIVE DISCOURSE IN GERMAN

ABSTRACT. *In the modern German language, the word "die Sanktionen" is a key word of the political-legal restrictive discourse. The subject of the study is the dynamics of the meanings of the lexeme "die Sanktionen", used in modern German primarily in the plural. The analysis of contextual examples of the usage of the German lexeme "Sanction" allows us to state that as a result of the semantic derivation of the meaning of "die Sanktionen" in the plural, the lexeme goes beyond the framework of international law and trade and becomes a marker of political communication for measures aimed at restriction, isolation and prohibition. As a method of investigation, a combination of discourse analysis and corpus-based analysis was chosen, the article first demonstrated the usability of the "die Sanktionen" in different meanings, as a tool the modern multilevel model of the linguistic-descriptive analysis "DIMEAN" was used for the first time. The aim of the study is to linguistically interpret the concept "die Sanktionen", identifying its dominant role in modern German and defining it as a key word used for the nomination of restrictive measures in the political sphere. Since the beginning of the 21st century, the discourse-driven use of the "die Sanktionen" in the context of various political events, has become more frequent in the German-language media. In Modern German, "die Sanktionen" has become a widely used, key marker of political discourse, yet its use is often associated with broad interpretation, which will be demonstrated in the paper and illustrated by corpus-based analysis of this lexeme's co-occurrence and distributive environment. The paper concludes that in German the "die Sanktionen" is conceptually connected with rethinking of the concept of "guilt". This change will be shown on the analysis of the statistical results of the research of keywords, actors and objects of restrictive measures.*

KEYWORDS: *political linguistics; political discourse; economic sanctions; keywords; restrictive discourse; legal discourse; discourse analysis; corpus analysis; German; lexeme*

ABOUT THE AUTHOR: *Manerova Kristina Valerievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of German Philology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.*

REFERENCES

1. Demidova E. E. Prodvizhenie nemetskogo yazyka v mire // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1 (67). S. 139—144.
 2. Ezan I. E., Kovtunova E. A. Agitatsionnaya listovka v sovremennom nemetskom politicheskom diskurse // Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete. — Spb. : Izd-vo SPbGU, 2018a. Vyp. 7 : Diskursivnye aspekty yazykovykh fenomenov. S. 85—98.
 3. Ezan I. E., Kovtunova E. A. Dinamicheskie protsessy v leksike nemetskogo politicheskogo mediadiskursa // Germanistika v sovremennom nauchnom prostranstve : materialy 5-y Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Krasnodar). — Krasnodar : Izd-vo Kuban. gos. un-ta, 2017. S. 93—100.
 4. Ezan I. E., Kovtunova E. A. Diskurs-analiz sovremennykh klyuchevykh slov // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i prak-

21. Herschinger E., Nonhoff M. Diskursforschung in der Politikwissenschaft // Diskursforschung. Ein interdisziplinäres Handbuch / J. Angermüller, M. Nonhoff (Hrsg.). — Bielefeld : transcript Verlag, 2014. Bd. 1 : Theorien, Methodologien und Kontroversen. S. 192—207.

22. Klein W. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de> (date of access: 10.01.2018 — 29.03.2018).

23. Niehr Th. Schlagwort // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. — Tübingen : Niemeyer, 2007. Bd. 8.

24. Rychlý P. A Lexicographer-Friendly Association Score [Electronic resource] // Proceedings of Recent Advances in Slavic Natural Language Processing, RASLAN 2008. — Brno : Masaryk Univ., 2008. P. 6—9. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/raslan/2008/papers/13.pdf> (date of access: 20.03.2018).

25. Schilly O. Sprache und Politik // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? / K. M. Eichhoff-Cyrus, R. Hoberg (Hrsg.). — Mannheim : Dudenverlag, 2000. S. 125—129.

26. Schröter M. Besondere Wörter III: Schlagwörter in der öffentlich-politischen Auseinandersetzung // Handbücher Sprachwissen / U. Hass, P. Storzjohann (Hrsg.). — Berlin ; Boston : Walter de Gruyter, 2015. Bd. 3 : Handbuch Wort und Wortschatz. S. 394—412.

27. Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. — Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011.

28. Suche im DWDS-Wortprofil [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de/wp?q=Sanktion&comp-method=diff&comp=&limit=20&minstat=0&minfreq=5&by=logDice&view=> (date of access: 29.05.2018).

29. Teubert W. Korpuslinguistik, Hermeneutik und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit [Electronic resource] // Linguistik Online. 2006. № 28. S. 41—60. URL: <http://www.linguistik-online.del28> (date of access: 09.12.2017).

2018b. № 4-1 (82). S. 99—105.

5. Kovyazina M. A., Il'yushchenya T. A., Khabibullina S. B. Sredstva vyrazheniya otritsatel'noy otsenki pri opisaniy sanktsionnoy politiki zapadnykh stran v otnoshenii Rossii i rossiyskikh otvetnykh sanktsiy v tekstakh britanskikh setevykh SMI: korpusnoe issledovanie // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 2 (68). S. 61—67.

6. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B., Zotova E. N. «Rossiyskaya agressiya» po-amerikanski i «rossiyskiy sled» po-ukrainski // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1 (67). S. 74—81.

7. Manerova K. V. Uzualizatsiya kontradiktornykh znacheniy leksemy «Sanction» v nemetskom yazyke XVII—XVIII vv. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 10 (88). Ch. 1. S. 132—137.

8. Marusenko M. A. Amerikanskaya yazykovaya ideologiya //

- CSHA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2016. № 11 (563). S. 3—18.
9. Merkulova E. N. O lingvisticheskom statuse i nekotorykh rechevykh funktsiyakh angliyskoy dubletnoy ksenoleksiki v russkom yazyke // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2015. № 5 (37). S. 73—88.
10. Mikheev Yu. Ya. Primenenie prinuditel'nykh mer po Ustavu OON. — M., 1967. C. 45.
11. Novyy bol'shoy nemetsko-russkiy slovar'. V 3 t. (NBNRS): ok. 5000 000 leksicheskikh edinit. T. 3: R — Z / pod. obshch. ruk. D. O. Dobrovolskogo. — M.: AST: Astrel', 2010. 1263 s.
12. Chernyavskaya V. E. Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya: ucheb. posobie. — M.: Direkt-Media, 2014. 185 s.
13. Chernyavskaya V. E. Proshloe kak tekstovaya real'nost': metodologicheskie vozmozhnosti lingvisticheskogo analiza istoricheskogo narrativa // Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filologiya. 2016. № 3 (41). S. 77—87.
14. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 4-e izd. — M.: Flinta: Nauka, 2012. 256 s.
15. Busse D., Teubert W. Linguistische Diskursanalyse: neue Perspektiven. — Wiesbaden: Springer VS, 2013. 421 S.
16. Delonge F.-B. Rückhaltlose Aufklärung — Politiker-Deutsch für Anfänger. — Frankfurt a. M.: Eichborn, 2000.
17. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. In 10 Bänden. Bd. 7. Pekt — Schi. Völlig neu bearbeitete und erweiterte Aufl. — Mannheim: Dudenverlag, 1999. S. 2881—3360.
18. DWDS — Verlaufskurven [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de/tr/plot?view=1&norm=date%2Bclass&mooth=spline&genres=0&grand=1&slice=10&prune=0&window=3&wbase=0&logavg=0&logscale=0&xrange=1600%3A2016&q1=Sanktion> (date of access: 07.05.2018).
19. Gür-Seker D. Das Wort im Diskurs // Handbücher Sprachwissen. Bd. 3. Handbuch Wort und Wortschatz / U. Hass, P. Storzjohann (Hrsg.). — Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2015. S. 77—101.
20. Hermanns F. Schlüssel-, Schlag- und Fahnenwörter. Zu Begrifflichkeit und Theorie der lexikalischen "politischen Semantik" // Bericht Nr. 81 der Arbeiten aus dem Sonderforschungsbereich 245 "Sprache und Situation". — Heidelberg; Mannheim: Univ. Heidelberg: Univ. Mannheim: Institut für deutsche Sprache, 1994.
21. Herschinger E., Nonhoff M. Diskursforschung in der Politikwissenschaft // Diskursforschung. Ein interdisziplinäres Handbuch / J. Angermüller, M. Nonhoff (Hrsg.). — Bielefeld: transcript Verlag, 2014. Bd. 1: Theorien, Methodologien und Kontroversen. S. 192—207.
22. Klein W. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de> (date of access: 10.01.2018 — 29.03.2018).
23. Niehr Th. Schlagwort // Historisches Wörterbuch der Rhetorik. — Tübingen: Niemeyer, 2007. Bd. 8.
24. Rychlý P. A Lexicographer-Friendly Association Score [Electronic resource] // Proceedings of Recent Advances in Slavic Natural Language Processing, RASLAN 2008. — Brno: Masaryk Univ., 2008. P. 6—9. URL: <https://nlp.fi.muni.cz/raslan/2008/papers/13.pdf> (date of access: 20.03.2018).
25. Schilly O. Sprache und Politik // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. Sprachkultur oder Sprachverfall? / K. M. Eichhoff-Cyrus, R. Hoberg (Hrsg.). — Mannheim: Dudenverlag, 2000. S. 125—129.
26. Schröter M. Besondere Wörter III: Schlagwörter in der öffentlich-politischen Auseinandersetzung // Handbücher Sprachwissen / U. Hass, P. Storzjohann (Hrsg.). — Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2015. Bd. 3: Handbuch Wort und Wortschatz. S. 394—412.
27. Spitzmüller J., Warnke I. Diskurslinguistik. Eine Einführung in Theorien und Methoden der transtextuellen Sprachanalyse. — Berlin; Boston: De Gruyter, 2011.
28. Suche im DWDS-Wortprofil [Electronic resource]. URL: <https://www.dwds.de/wp?q=Sanktion&comp-method=diff&comp=&limit=20&minstat=0&minfreq=5&by=logDice&view=> (date of access: 29.05.2018).
29. Teubert W. Korpuslinguistik, Hermeneutik und die soziale Konstruktion der Wirklichkeit [Electronic resource] // Linguistik Online. 2006. № 28. S. 41—60. URL: <http://www.linguistik-online.del28> (date of access: 09.12.2017).